

КНИГА С ИСТОРИЕЙ

Н. В. Гоголь

НОЧЬ ПЕРЕД
РОЖДЕСТВОМ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА
2022

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Последний день перед Рождеством прошёл. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звёзды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа*. Морозило сильнее, чем с утра; но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался за полверсты³⁰. Ещё ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкою, как бы вызывая принаряживавшихся девушек

---

* Колядовать у нас называется петь под окнами накануне Рождества песни, которые называются колядками. Тому, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка, или хозяин, или кто остаётся дома, колбасу, или хлеб, или медный грош, чем кто богат. Говорят, что был когда-то болван Коляда²⁹, которого принимали за бога, и что будто оттого пошли и колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать. Прощлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, что будто сим народ угождает сатане. Однако ж если сказать правду, то в колядках и слова нет про Коляду. Поют часто про Рождество Христа; а при конце желают здоровья хозяину, хозяйке, детям и всему дому. – Замечание пасичника. (*Примеч. авт.*)

Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывал его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки⁴⁹; наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чём не бывал, побежал далее.

В Диканьке никто не слышал, как чёрт украл месяц. Правда, волостной писарь⁵⁰, выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том всё село; но миряне⁵¹ качали головами и даже подымали его на смех. Но какая же была причина решиться чёрту на такое незаконное дело? А вот какая: он знал, что богатый козак⁵² Чуб приглашён дьяком на кутью⁵³, где будут: голова; приехавший из архиерейской певческой⁵⁴ родич дьяка в синем сюртуке, бравший самого низкого баса; козак Свербыгуз⁵⁵ и ещё кое-кто; где, кроме кутьи, будет варенуха, перегонная на шафран⁵⁶ водка и много всякого съестного. А между тем его дочка, красавица на всём селе, останется дома, а к дочке, наверное, придёт кузнец, силач и детина хоть куда, который чёрту был противнее проповедей отца Кондрата. В досужее от дел время кузнец занимался малеванием⁵⁷ и слыл лучшим живописцем во всём околотке⁵⁸. Сам ещё тогда здравствовавший сотник⁵⁹ Л...ко вызывал его нарочно в Полтаву выкрасить дощатый забор около его дома. Все миски, из которых диканьские козаки хлебали борщ,

были размалёваны кузнецом. Кузнец был богобоязливый человек и писал часто образа святых: и теперь ещё можно найти в Т... церкви его евангелиста Луку. Но торжеством его искусства была одна картина, намалёванная на стене церковной в правом притворе⁶⁰, в которой изобразил он святого Петра в день Страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа⁶¹; испуганный чёрт метался во все стороны, предчувствуя свою погибель, а заключённые прежде грешники били и гоняли его кнутами, поленами и всем чем ни попало. В то время, когда живописец трудился над этою картиною и писал её на большой деревянной доске, чёрт всеми силами старался мешать ему: толкал невидимо под руку, подымал из горнила⁶²

в крытых сукном тулупах, а всё мелкое чиновничество носило просто нагольные⁶⁵; теперь же и заседатель и подкоморий отсмалили себе новые шубы из решетилловских⁶⁶ смушек с суконною покрышкою. Канцелярист⁶⁷ и волостной писарь третьего году взяли синей китайки⁶⁸ по шести гривен⁶⁹ аршин. Пономарь⁷⁰ сделал себе нанковые⁷¹ на лето шаровары⁷² и жилет из полосатого гаруса⁷³. Словом, всё лезет в люди! Когда эти люди не будут суетны! Можно побиться об заклад, что многим покажется удивительно видеть чёрта, пустившегося и себе туда же. Досаднее всего то, что он, верно, воображает себя красавцем, между тем как фигура — взглянуть совестно. Рожа, как говорит Фома Григорьевич, мерзость мерзостью, однако ж и он строит любовные куры!⁷⁴ Но на небе и под небом так сделалось темно, что ничего нельзя уже было видеть, что происходило далее между ними.

— Так ты, кум, ещё не был у дьяка в новой хате? — говорил козак Чуб, выходя из дверей своей избы, сухощавому, высокому, в коротком тулупе, мужику с обросшею бородою, показывавшею, что уже более двух недель не прикасался к ней обломок косы, которым обыкновенно мужики бреют свою бороду за неимением бритвы. — Там теперь будет добрая попойка! — продолжал Чуб, ослабив при этом своё лицо. — Как бы только нам не опоздать.

При сём Чуб поправил свой пояс, перехватывавший плотно его тулуп, нахлобучил крепче свою шапку, стиснул в руке кнут – страх и грозу докучливых собак; но, взглянув вверх, остановился...

– Что за дьявол! Смотри! смотри, Панас!..

– Что? – произнёс кум и поднял свою голову также вверх.

– Как что? месяца нет!

– Что за пропасть! В самом деле нет месяца.

– То-то что нет, – выговорил Чуб с некоторою досадою на неизменное равнодушие кума. – Тебе небось и нужды нет.

– А что мне делать!

– Надобно же было, – продолжал Чуб, утирая рукавом усы, – какому-то дьяволу, чтоб ему не довелось, собаке, поутру рюмки водки выпить, вмешаться!.. Право, как будто на смех... Нарочно, сидевши в хате, глядел в окно: ночь – чудо! Светло, снег блещет при месяце. Всё было видно, как днём. Не успел выйти за дверь – и вот, хоть глаз выколи!

Чуб долго ещё ворчал и бранился, а между тем в то же время раздумывал, на что бы решиться. Ему до смерти хотелось покалякать⁷⁵ о всяком вздоре у дьяка, где, без всякого сомнения, сидел уже и голова, и приезжий бас, и дегтярь⁷⁶ Микита, ездивший через каждые две недели в Полтаву на торги и отпускавший такие шутки, что все миряне брались за животы со смеху. Уже видел Чуб мысленно стоявшую на столе варенуху. Всё это было заманчиво, правда; но темнота ночи напомнила ему о той лени, которая так мила всем козакам. Как бы хорошо теперь лежать, поджавши под себя ноги, на лежанке, курить спокойно люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и песни весёлых парубков и девушек, толпящихся кучами под окнами. Он бы, без всякого сомнения,

«КАК ЧТО? МЕСЯЦА НЕТ!» – «ЧТО ЗА ПРОПАСТЬ!
В САМОМ ДЕЛЕ НЕТ МЕСЯЦА»

«Чего мне больше ждать? – говорил сам с собою кузнец. – Она издевается надо мною. Ей я столько же дорог, как перержавевшая подкова. Но если ж так, не достанется, по крайней мере, другому посмеяться надо мною. Пусть только я наверное замечу, кто ей нравится более моего; я отучу...»

Стук в двери и резко зазвучавший на морозе голос: «Отвори!» – прервал его размышления.

– Постой, я сам отворю, – сказал кузнец и вышел в сени⁹¹, в намерении отломать с досады бока первому попавшемуся человеку.

Мороз увеличился, и вверху так сделалось холодно, что чёрт перепрыгивал с одного копытца на другое и дул себе в кулак, желая сколько-нибудь отогреть мёрзнувшие руки. Не мудрено, однако ж, и смёрзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак⁹² и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр⁹³, поджаривал он грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на Рождество колбасу⁹⁴.

Ведьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то что была тепло одета; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя в такое положение, как человек, летящий на коньках, не сдвинувшись ни одним суставом,

ВЕДЬМА СПУСТИЛАСЬ ПО ВОЗДУХУ, БУДТО
ПО ЛЕДЯНОЙ ПОКАТОЙ ГОРЕ, И ПРЯМО В ТРУБУ. ЧЁРТ
ТАКИМ ЖЕ ПОРЯДКОМ ОТПРАВИЛСЯ ВСЛЕД ЗА НЕЮ

спустилась по воздуху, будто по ледяной покато́й горе, и прямо в трубу.

Чёрт таким же порядком отправился вслед за нею. Но так как это животное проворнее всякого франта в чулках, то не мудрено, что он наехал при самом входе в трубу на шею своей любовницы, и оба очутились в просторной печке между горшками.

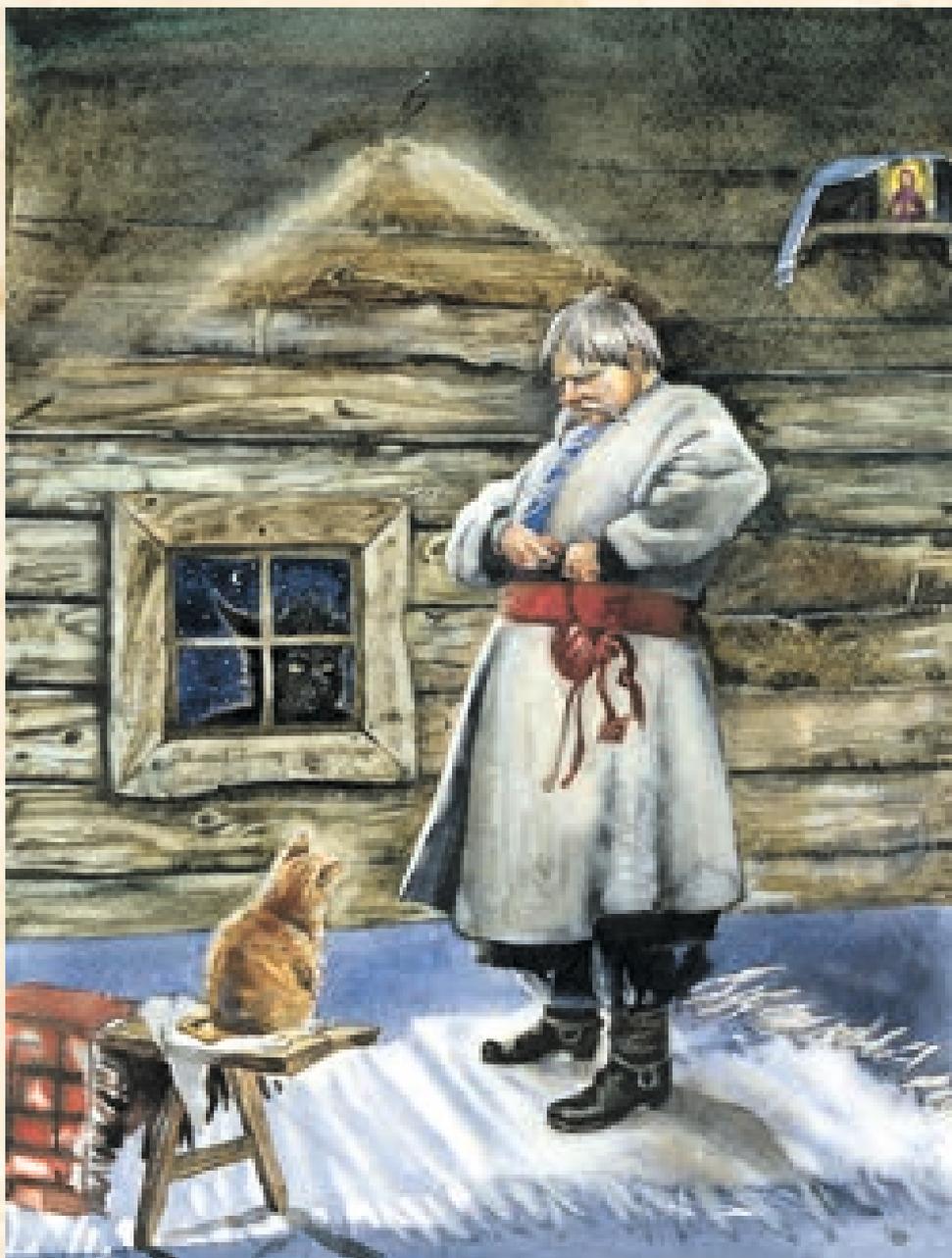
Путешественница отодвинула потихоньку заслонку⁹⁵, поглядеть, не назвал ли сын её Вакула в хату гостей, но, увидевши, что никого не было, выключая только мешки, которые лежали посередине хаты, вылезла из печки, скинула тёплый ко́жух⁹⁶, оправилась, и никто бы не мог узнать, что она за минуту назад ездила на метле.

Мать кузнеца Вакулы имела от роду не больше сорока лет. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею в такие года. Однако ж она так умела причаровать к себе самых степенных козаков (которым, не мешая, между прочим, заметить, мало было нужды до красоты), что к ней хаживал и голова, и дьяк Осип Никифорович (конечно, если дьячихи не было дома), и козак Корний Чуб, и козак Касьян Свербыгуз. И, к чести её сказать, она умела искусно обходиться с ними. Ни одному из них и в ум не приходило, что у него есть соперник. Шёл ли набожный мужик, или дворянин, как называют себя козаки,

одетый в кобеняк⁹⁷ с видлогою⁹⁸, в воскресенье в церковь или, если дурная погода, в шинок, – как не зайти к Солохе, не поесть жирных с сметаною вареников и не поболтать в тёплой избе с говорливой и угодливой хозяйкой. И дворянин нарочно для этого давал большой крюк, прежде чем достигал шинка, и называл это – заходить по дороге. А пойдёт ли, бывало, Солоха в праздник в церковь, надевши яркую плахту с китайчатою запаскою, а сверх её синюю юбку, на которой сзади наши-ты были золотые усы⁹⁹, и станет прямо близ правого крылоса¹⁰⁰, то дьяк уже верно закашливался и прищуривал невольно в ту сторону глаза; голова гладил усы, заматывал за ухо оселедец¹⁰¹ и говорил стоящему близ его соседу: «Эх, добрая баба! чёрт-баба!» Солоха кланялась каждому, и каждый думал, что она кланяется ему одному. Но охотник мешаться в чужие дела тотчас бы заметил, что Солоха была приветливее всего с козаком Чубом. Чуб был вдов; восемь скирд¹⁰² хлеба всегда стояли перед его хатою. Две пары дюжих волов всякий раз высывали свои головы из плетёного сарая на

улицу и мычали, когда завидывали шедшую куму, корову, или дядю, толстого быка. Бородатый козёл взбирался на самую крышу и дребезжал оттуда резким голосом, как городничий, дразня выступавших по двору индеек, и оборачивался задом, когда завидывал своих неприятелей, мальчишек, издевавшихся над его бороною. В сундуках у Чуба водилось много полотна, жупанов¹⁰³ и старинных кунтушей¹⁰⁴ с золотыми галунами: покойная жена его была щеголиха. В огороде, кроме маку, капусты, подсолнечников, засевалось ещё каждый год две нивы¹⁰⁵ табаку. Всё это Солоха находила не лишним присоединить к своему хозяйству, заранее размышляя о том, какой оно примет порядок, когда перейдёт в её руки, и удвоивала благосклонность к старому Чубу. А чтобы каким-нибудь образом сын её Вакула не подъехал к его дочери и не успел прибрать всего себе, и тогда бы наверно не допустил её мешаться ни во что, она прибегнула к обыкновенному средству всех сорокалетних кумушек: ссорить как можно чаще Чуба с кузнецом. Может быть, эти самые хитрости и сметливость её были виною, что кое-где начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали где-нибудь на весёлой сходке лишнее, что Солоха точно ведьма; что парубок Кизяколупенко¹⁰⁶ видел у неё сзади хвост величиною не более бабьего веретена; что она ещё в позапрошлый четверг чёрною кошкою

СОЛОХА БЫЛА ПРИВЕТЛИВЕЕ ВСЕГО С КОЗАКОМ ЧУБОМ.
ЧУБ БЫЛ ВДОВ... В СУНДУКАХ У ЧУБА ВОДИЛОСЬ МНОГО
ПОЛОТНА, ЖУПАНОВ И СТАРИННЫХ КУНТУШЕЙ...

и вперед и наконец набрёл прямо на шинок. Эта находка так его обрадовала, что он позабыл всё и, стряхнувши с себя снег, вошёл в сени, нимало не беспокоясь об оставшемся на улице куме. Чубу показалось между тем, что он нашёл дорогу; остановившись, принялся он кричать во всё горло, но, видя, что кум не является, решился идти сам. Немного пройдя, увидел он свою хату. Сугробы снега лежали около неё и на крыше. Хлопая намёрзнувшими на холоде руками, принялся он стучать в дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть её.